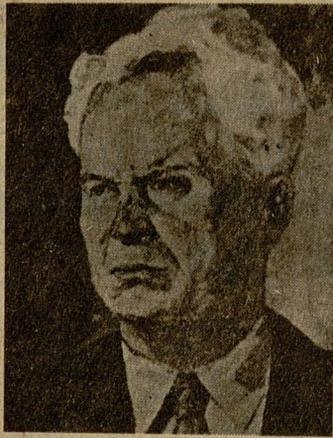

16 ИЮН 1988

КОМСОМОЛЕН

г. Ереван

КОМСОМ

Люди. Годы.

Судьбы.

Встречи с Александром Довженко

тал над сценарием научно-фантастического фильма о полете группы землян в другие миры.

Но работа моя была бесперспективной. Александр Петрович знал, что моя мечта снять фильм едва ли осуществима, даже скорее неосуществима, но тем не менее, вернее вопреки этому, помогал мне. Умом и я понимал, что из этой затеи вряд ли что выйдет, но, подогреваемый вниманием Александра Петровича, продолжал работать. Забегая вперед, скажу, что я написал-таки расширенное либретто (так посоветовал Александр Петрович), отдал его читать С. И. Юткевичу, у которого проходил практику на «Мосфильме», заручился его хорошим отзывом и согласием быть художественным руководителем картины и представил рукопись в Сценарную студию. Через несколько дней я пришел в Сценарную студию. Директор этой студии сказал, что мне лучше работать над сценарием короткометражного, и не художественного фильма, а документального: «Художественный фильм, да еще полнометражный, вам никто не даст снимать. Вы ведь видите, что делается?». Вернул мне рукопись. Я поблагодарил его, как было положено, за внимание, и ушел. Так мы все, зная, что всего лишь играем в кино, все-таки играли в кино, потому что в тот период малокартинья фильмы могли снимать только считанные режиссеры. Играли, потому что творческие порывы остановить было нельзя. И я благодарен Александру Петровичу за то, что в тот трудный период он не просто поддержал и подогрел во мне творческий огонь, но и одарил редчайшей радостью общения с ним.

После смерти Александра Петровича были опубликованы его дневники. Я прочел в его записках с болью в сердце написанные строки. Обращаясь к Сталину, он писал: «Если бы вы были даже Богом, я и тогда не поверил бы вам, что я националист, которого надо клеймить и держать в черном теле... Зачем превратили мою жизнь в муку? Для чего отняли у меня радость? Расстоптали сапогом мое имя?»

Прочел и содрогнулся. Как можно было так бездоказательно обвинять Довженко?! Я ведь видел, как он был далек от националистической ограниченности. Я представил себе, как это могло ранить его.

...Я знал, что своим присутствием уводил его в другой мир, и он забывался, мог не думать о своих тревогах и обидах, и о них не говорил со мной. (Правда, изредка, невольно и вскользь, замечал, например, о преуспевающем в то время режиссере: «Не люблю я таких приспособленцев».)

Много расспрашивал об Армении. Вспоминая полотна Сарьяна, он как-то прояснялся. Мое знание живописи Сарьяна располагало его ко мне. Узнав, что я бываю в доме у Сарьяна, спрашивал о Мартиросе Сергеевиче, о его семье.

Как-то, когда я позвонил ему, чтобы договориться о встрече, Александр Петрович назначил час и прибавил:

— Приходи, я расскажу кое-что о Сарьяне.

— Был я на выставке, — начал он живо. — Утешительных работ было очень мало. Журналист спросил мое мнение о работах одного маститого художника. Я выразился неодобрительно. Сказал, что его полотно с первого же взгляда воспринимается исчерпывающе. Через несколько секунд уже смотреть на них не хочется. Неинтересно. Не будит ни мыслей, ни чувств. Журналист конфузливо молчал. Я продолжил: «Предпочитаю живопись Сарьяна, полотна которого можно смотреть многократно. И каждый раз они возбуждают раздумья, чувства...»

— Журналист растерянно сказал мне, — продолжал Александр Петрович, — «Но полотно Сарьяна, кажется, на этой выставке нет. Я не могу писать о них».

— Я знал, что на выставке не было полотен Сарьяна. И не могло быть после последней критики. И именно поэтому счел нужным вспомнить его. Довженко нежно спросил:

— Как старик? Не в Москве ли? — И задумчиво сказал. — Благо зиму пережили. Скоро весна вступит в полную силу. Тепло согревает старого человека. Оно желанно...

Некоторое время спустя я рассказал Мартиросу Сарьяну о наших беседах с Александром Петровичем, о том, как тепло отзывался о нем, о его живописи.

Мартирос Сергеевич искренне расчувствовался:

— Если поедешь в Москву, скажи ему, что я очень хочу написать его портрет. Я большой поклонник его таланта. Вот так бывает, — развел руками Мартирос Сергеевич, — сколько времени я мечтаю встретиться с ним, но так и не удается! Разобцены мы!

Довженко и Сарьян, конечно же, встретились. И, конечно, Сарьян начал писать портрет Довженко.

Мартирос Сергеевич позднее мне рассказывал:

— Я начал писать его портрет и на первом же сеансе почувствовал, что не смогу завершить его. Попросил Александра Петровича прийти еще раз. Довженко сказал, что приходит ко мне с удовольствием, что встречи со мной для него приятный отдых. И он был прав. Каждый раз, когда он приходил ко мне, сначала он был как-то напряжен — словно свернутая пружина. Мы с ним говорили на разные темы. И я видел, как он менялся в лице. Он менялся, как бы становясь другим, и это мешало мне завершить портрет. Так я, против моего обыкновения, проработал над портретом пятьдесят сеансов... Пока шла работа над его портретом, я успел написать еще несколько картин, в том числе портреты других. На новый сеанс пригласить Александра Петровича так и не удалось. Вскоре я узнал, что он внезапно скончался.

Я видел Александра Петровича и в этот последний период его жизни. Он работал над фильмом «Поэма о море». На «Мосфильме» к нему относились с тем же уважением и преклонением. На студии он появлялся таким, как и прежде, — прямая походка, высоко вскинутая голова с белой шевелюрой, все та же неразлучная трость и легкость движений.

Работал так же напряженно и, вместе с тем, — это было видно к концу дня — на износ. Правда, его группа была размещена изолированно, на верхнем этаже корпуса, на двери коридора висела табличка, призывающая говорить тихо. Короче, для него были созданы самые лучшие условия, какие только могут быть в кино. Но именно в кино бывают еще много деталей и обстоятельств, которые точат души. Особенно такого человека, как Довженко, — без остатка отдающего себя работе.

Он приходил к Сарьяну, неся в себе тяжелый груз предстоящей большой картины. Вот это напряжение в нем и видел Мартирос Сергеевич. И портрет передавал это настроение — в глазах отражены и усталость, и упорство, и тяжесть раздумий. Но вместе с тем, передано и главное — это портрет человека одухотворенного, светлого, возвышенного. Это портрет поэта.

Сарьян считал портрет незавершенным. Но портрет живет, как мне кажется, своей незавершенностью. Как много еще Довженко мог сделать и не успел. (На своем шестидесятилетии в Доме кино он сказал: «Я был рассчитан на большее»). Не успел снять фильмы по тем сценариям, которые, слава Богу, успел написать... В незавершенности портрета я вижу судьбу Гения...

Фильмы Довженко поражают неповторимой поэтичностью. Я пытаюсь понять, почувствовать, каким образом он добивается этого. Фильм «Страна родная» я изучал за монтажным столом, как говорится, по миллиметрам. Поражался многому, и прежде всего, вот чему. Под рукой у Довженко были кадры, снятые разными операторами, с разными назначениями, и отнюдь не поэтическим глазом. Это были кадры, бесстрастно констатирующие факты и события в жизни республики, подавляющее большинство которых даже не были сняты для фильма, а взяты из периодики. И Довженко сумел это «свалку» кадров, это бесцельное изображение превратить в основу изображения — основу фильма) своего высокопоэтического, волнующего до глубины души фильма.

В 1974 году, в Киеве, на торжественном вечере, посвященном восьмидесятилетию Довженко, передавая приветствия от армянских кинематографистов, я сказал: «Фильм «Страна родная» — глубоко армянский фильм. И его автор Александр Петрович Довженко, обогативший этим шедевром армянское киноискусство, навсегда останется классиком и армянской кинематографии».

Л. ВАГАРШЯН,
кинорежиссер, народный артист Армянской ССР.

НА СНИМКЕ: «Портрет Александра Довженко» Мартироса Сарьяна.

Фото В. Кочара.

На «Мосфильме» стало известно, что Довженко собирается показывать сотрудникам студии только что завершённый фильм о Мичурине. Конечно же, желающих посмотреть его было много. Фильм крутили несколько сеансов, и после каждого сеанса люди выходили из зала возбужденными, потрясенными.

Было видно, что он испытывал чувство высокого удовлетворения, потому что прекрасно знал, что создал действительно замечательный фильм.

...Через несколько дней стало известно, что Сталин, посмотрев фильм, сделал ряд серьезных замечаний, и что фильм, чуть ли не весь, нужно перекроить. Надлежало многое переписать, сократить, перемонтировать...

Я застал Довженко именно в этот период его жизни. В среде кинематографистов то и дело говорили о том, что Довженко ходит с нитроглицерином, что его вообще не узнать. И сумеет ли он переделать фильм так, чтобы не испортить его...

Фильм был вновь завершен. Это опять-таки был доженковский фильм, но на нем были видны рубцы от поправок.

Еще более трудная судьба постигла его следующий фильм — «Прощай, Америка». И над этой картиной он работал, естественно, с полной душевной отдачей.

...И опять гром грянул неожиданный.

По приказу свыше работу над фильмом прекратили. Как выражались тогда — «Сталин закрыл фильм».

Мосфильмовцы говорили о том, что Александр Петрович каждый день продолжает приходиться к студии. Ходит по территории, беседует с людьми, но в павильон не заходит — там еще стоят его осиротевшие декорации. Надеялись, что все же разрешат ему довести съемку до конца, ведь оставалось снять совсем немного. Но этого не происходило. Он был угнетен реальностью непонимания...

Именно в этот период, увлеченный своим сценарием, над которым работал, я обратился к Александру Петровичу с просьбой выслушать меня, ознакомиться с моим замыслом. Александр Петрович пригласил меня к себе домой. Такова жизнь — человек переживает драму, а я именно в это время прошу его о помощи. «Он ведь сейчас свободен», — рассуждал я.

Александр Петрович выслушал меня и взялся помочь.

При встречах мы говорили не только о сценарии. Я счел нужным рассказать ему о том, как потряс его фильм «Страна родная» зрителей Армении, особенно интеллигенцию. Не было в Армении человека, который, посмотрев этот фильм, не был бы взволнован до глубины души. Многие смотрели по несколько раз, запоминали целые куски из текста, потрясающего поэтической образностью и философской глубиной. Многие фразы стали крылатыми и переходили из уст в уста.

Фильм не просто глубоко взволновал людей, но и поднял волну самосознания народа. Люди по-новому взглянули на историю своего народа, свою Родину. Историю Армении Довженко показал как историю, полную героических подвигов, величайших заслуг нашего народа перед человечеством.

— Все были поражены тем, что вы создали такой «очень армянский фильм», не побывав ни разу в Армении.

— Да, очень сожалел, что не довелось... И сейчас хотел бы поехать. Свободен, в том смысле, что не связан с картиной... Да настроение не то...

Я перевел разговор в другое русло:

— Фильм я смотрел, конечно, много раз. Изучал на монтажном столе. Знаю текст, почти весь, наизусть. — Начал цитировать: «Библейский Арагат. Ветхозаветный край на земле... Станем у подножья тысячелетий и пусть века проплывут перед нами, запечатленные на камнях...» Могу продолжить.

Александру Петровичу было приятно слушать это.

Я рассказал ему, как помогла мне эта картина в моей первой работе. В то время, в конце 40-х годов, зарубежные армяне — большими группами возвращались на родину. И я решил посвятить этой теме свой десятиминутный фильм. В этом материале были глубокий исторический аспект, социальная острота, потрясающие человеческие судьбы. Как я думал, материал этот был словно создан для фильма доженковского «образа».

Работая над картиной, я все время ощущал стилистику кинематографа Довженко, особенно фильма «Страна родная».

— Можно с уверенностью сказать, — добавил я, — что ваш фильм оказал влияние и на другие области искусства. Фильм неоднократно смотрели писатели, художники, артисты, музыканты. И всех он вдохновлял.

— Да, я работал над фильмом искренне, потому что любил Армению, ее историю, людей.

Сюжет, который я рассказал Александру Петровичу, был о Нельсоне Степаняне. Рассказывал я его вдохновенно, стараясь увлечь Александра Петровича. И он увлекся. В то время он сам, как мне говорил, рабо-